

НИКАКИХ «дешевых эффектов и сенсаций!» «Результат длительных, кропотливых поисков!» «Полнота и весомость исследовательской аргументации!» — так рекомендует журнал «В мире книг» (№ 6) статью Семена Ласкина «Тайна «красного человека». Для ее сокращенного варианта редакция предоставляет автору место в своей рубрике «Университет читателя».

Более любознательных отсылают к шестому номеру «Невы», где статья напечатана полностью. Там ей дает оценку Н. Эйдельман. Особой заслугой Ласкина он считает введение в научный оборот новых материалов: они раскрывают «угаенные соображения» П. А. Вяземского об истории дуэли и смерти Пушкина. «Не вызывает возражений» Эйдельмана и основной вывод Ласкина о «кровоавой» роли кавалергарда А. В. Трубецкого. Последнее заявление настораживает: до сих пор все думали, что в крови Пушкина повинен Дантес. Теперь львиная доля его вины перекладывается на плечи Трубецкого? Но эксперт не шутит: «Архивные разыскания автора заслуживают признания и одобрения», — заключает он свое краткое послесловие к «Тайне «красного человека».

ИНТЕРЕСУЮСЬ «архивными разысканиями» С. Ласкина. Из 145 ссылок 22 падают на архивы. Они распределяются преимущественно по пяти наименованиям крупных архивных единиц, уже неоднократно фигурировавших в печати. Но дело в конце концов не в количестве — в этих пяти могут содержаться ценнейшие сведения, еще не замеченные другими. По мнению Н. Эйдельмана, это именно так: «...Нужно отдать должное его (С. Б. Ласкина. — Э. Г.) чутью — наткнувшись на группу документов, он понял их перспективное значение». Об этой «группе» я могу дать исчерпывающие объяснения. Автор не скрывает, что «наткнулся» на нее в моей книге «Судьба Лермонтова» (М., 1964). Это письма П. А. Вяземского к Э. К. Мусиной-Пушкиной, из которых до тех пор в печати было известно только одно (16 февраля 1837 г.), прямо касающееся истории гибели Пушкина. Обратившись по указанному мною архивным шифрам к французским подлинникам писем Вяземского, С. Ласкин, как это и следовало ожидать, встретил там имя и прозвище А. В. Трубецкого. Того самого, который хорошо известен пушкинистам: сразу после смерти поэта он писал его убийце сочувственные письма, а в старости надиктовал «Рассказ об отношениях Пушкина к Дантесу». Не так давно этот пошлый вздор критически пересмотрела Анна Ахматова, определив его как холос Дантеса: то есть как отражение версии Геккернов,

распространявшейся ими еще при жизни Пушкина. Работы А. Ахматовой «Александринка» и «Гибель Пушкина» напечатаны посмертно с моими комментариями. Там тоже приводятся выдержки из неизвестных писем Вяземского к Мусиной-Пушкиной. Но ни Ахматова, ни я не считали нужным останавливаться на великосветских сплетнях, которыми Вяземский прикрывал в письмах свое глубокое чувство к замужней приятельнице. Не придавала я также значения, и сейчас не придаю, подшучиваниям Вяземского над Мусиной-Пушкиной, якобы питавшей особое пристрастие к «прек-

«Увы,
написано
пером»

ВОДЕВИЛЬ

С ПЕРЕОДЕВАНИЯМИ

раснейшему» кавалергарду А. В. Трубецкому. Но С. Ласкин, «наткнувшись» в вышеназванной книге «Судьба Лермонтова» еще на одну «группу документов», учуял и тут их «перспективное значение». Имею в виду дневник и письма императрицы Александры Федоровны (жены Николая I) к С. А. Бобринской. Вероятно, Н. Эйдельман подразумевал эти документы, когда писал в своей туманной аннотации: «Следует подчеркнуть, что загадка, тайна, которую не хотел открыть Вяземский, в общей форме была поставлена... Э. Г. Герштейн (и отчасти А. А. Ахматовой). Э. Г. Герштейн определила круг «молодых повес», С. Б. Ласкин сделал к этому несколько важных дополнений и уточнений».

Спешу заявить: 1. Проницательный анализ А. А. Ахматовой «Рассказа» Трубецкого никакого отношения к статье Ласкина не имеет. 2. Ни о каких «кровоавых тайнах» Вяземского я нигде не говорила ни прямо, ни косвенно. 3. По письмам императрицы я не только определила ее ближайшее окружение, но установила имя ее фаворита, скрытое под условным наименованием «бархат». Это все тот же кавалергард князь А. В. Трубецкий. Ласкин увидел в этих материалах готовый сюжет для произведения под жгучим заглавием

«Тайна «красного человека». Почему «красного»? Вяземский прозвал так офицеров кавалергардского полка, намекая на их бальную форму: красивые суконные кирасы, надеваемые поверх мундиров. Но поистинным прозвищем Трубецкого Вяземский избрал «красного по преимуществу», это непереводимое французское выражение можно передать по-русски — «самый красный», или «наикраснейший». Между тем, обличая «красных» в позорном поведении после гибели Пушкина, Вяземский причислил к ним и некую даму, носящую прозвище «красное море». Это каламбур: по-французски слова «мать» и «море» звучат одинаково. Поэтому Вяземский пишет: «Мать красное, или, если вам так больше нравится, красное море, успокоилась только с последним взмахом смычка». Контекст писем, да и прямой их смысл

сурового самодержца. Ласкин этого не замечает. А императрица совершает «просчет за просчетом», оказываясь «на одних и тех же приемах и раутах» вместе со своим возлюбленным. Ласкину невдомек, что царица появлялась на великосветских балах вместе со своими приближенными, а Трубецкой танцевал с ней не по собственной прихоти, а по заранее назначенному непisanому церемониалу. Далее, по воле Ласкина, Вяземский плоско острит, называя Трубецкого с царицей единым «семейством» и даже «новобрачными». Они удирают с бала в Аничковом дворце в одну из загородных царских резиденций (где несут караульную службу офицеры императорской гвардии) и там наслаждаются «медовым месяцем», наступившим почему-то после того, как Трубецкой был уже отстранен от своей высокой покровительницы.

Приключения «забывшихся» любовников становятся, по Ласкину, притчей во языцех в городе, великосветские всегдашатаи уже толкуют об их предстоящей совместной поездке на воды в Германию (это гово-

рится о дочери здравствующего прусского короля и супруге русского императора)... Все это походит на киносценарий для водевиля с переодеваниями, а не на исследование.

Разве не ясно каждому здравомыслящему человеку, что произошла несусветная путаница, что все эти происшествия не могут относиться к императрице? В письме от 11 февраля (1838 г.), которое Ласкин впопыхах назвал недатированным отрывком, речь шла о последней нашумевшей истории второго сына Трубецких, Сергея, которого царь насильно женил на беременной фрейлине. Об этих «новобрачных» и сообщал Вяземский. Что касается поездки на воды, то Ласкин не прочел письма Вяземского, из которого он выхватил цитату об этом, — деловое письмо, где, в частности, шла речь о предстоящем отъезде царского семейства в Германию.

Только полная неосведомленность С. Ласкина позволила ему выступить со своей крайне ошибочной трактовкой писем Вяземского. Но если бы он прочитал все эти письма, то должен был бы убедиться в своей ошибке. Так, в письмах от 3 декабря

1837 г., от 18 апреля 1838 г., Вяземский прямо называет «наикраснейшего» сыном «красного моря». Ясно, что прозвище «красное море» было дано Вяземским княгине С. А. Трубецкой (ур. Вейс). Кстаи говоря, в ту пору ей было сорок лет, а не шестьдесят, как думал Ласкин, основываясь на опечатке в одном из новейших справочных изданий.

Итак, императрица Александра Федоровна совсем не по праву заняла центральное место в статье С. Ласкина. А что же остается без нее? Клятвы о «кровоавой» роли А. Трубецкого в истории гибели Пушкина, не подтвержденные ни одним доказательством, кроме превратного понимания основного письма Вяземского от 16 февраля 1837 г., где слова, бесспорно характеризующие Дантеса, С. Ласкин относит к А. Трубецкому. Что же касается самого П. А. Вяземского, то образ этого поэта и критика сведен Ласкиным до уровня детективного злодея с еще меньшим основанием.

Не могу не выразить своего возмущения бесцеремонным

использованием Ласкиным впервые опубликованных мною материалов в таком объеме, что читатель может составить себе ложное представление о добровольном сотрудничестве. Решительно протестую против этого навязанного мне выступления в четыре руки.

КАКОВЫ ЖЕ основные признаки нового эссе Семена Ласкина?

Это беспорядочное нагромождение цитат из давно известных источников, цитат, противоречащих одна другой, чего автор сам не понимает. Это скрытые купюры в текстах. Это перепутанные даты и имена в документах и неумение читать их контекст. Короче говоря, это работа, написанная без знания эпохи и предмета человеком, явно не подготовленным к такого рода исследованиям. Поэтому крайне удивляет широковещательная реклама, сделанная Ласкину двумя журналами. Каждый, кто пишет или печатает новые статьи о гибели великого поэта, должен сознавать всю меру ответственности перед читателем, а не спекулировать на всеобщей любви к Пушкину.

Эмма ГЕРШТЕЙН